

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ФЕНОМЕН БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Что ждет систему Лукашенко

Артем Шрайбман

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ФЕНОМЕН БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Что ждет систему Лукашенко

Артем Шрайбман

Данное издание подготовлено Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16 стр. 1
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2017

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Консолидация режима	3
Управление рисками	5
Маргинализация альтернативы	9
Метаморфозы белорусской идеологии	11
Единый и расколотый народ	13
Кристаллизация прагматизма	16
Монолит с контурами будущих трещин	19
Траектории белорусского транзита	21
Вместо заключения. Почему Белоруссия не Украина	23
Примечания	27
Московский Центр Карнеги	29

Об авторе

Артем Шрайбман — журналист, политический обозреватель белорусского портала Tut.by. Колумнист Carnegie.ru и портала BelarusDigest.com. Специализируется на внешней и внутренней политике Белоруссии. Имеет степень бакалавра международного права Белорусского государственного университета.

Краткое содержание

Александр Лукашенко за 23 года своего президентства смог построить один из самых консолидированных и адаптивных авторитарных режимов на постсоветском пространстве, а возможно — и в мире. На чем держится белорусская политическая модель, насколько она устойчива к потенциальному внешнему давлению, каковы риски ее расшатывания и перспективы эволюции?

Основные выводы и прогнозы

- Авторитаризм Александра Лукашенко держится на глубокой советскости общественного сознания, слабости институтов молодой демократии, огосударственной экономике и удачно найденном формате взаимоотношений с Россией. Белорусский президент осознает это и старается по мере возможности не дать расшататься ни одному из этих столпов.
- За 23 года в Белоруссии выстроена многоуровневая система управления рисками стабильности системы. Выверенный подбор чиновников, образ несменяемого президента, недопущение появления альтернативных центров силы, кланов и олигархата помогают избежать раскола номенклатуры. Риск протестов нивелируется с помощью механизма демотивации потенциальных протестующих, срыва намеченных и подавления организованных массовых акций.
- Белорусская оппозиция раздроблена и слаба. Последние десятилетия она существует в режиме выживания и по объективным и субъективным причинам деградирует как политическая альтернатива власти. Для серьезной борьбы нет ни человеческих, ни материальных ресурсов, нет и поддержки в обществе. Власть допускает существование оппозиции: с одной стороны, она нужна для ее собственной легитимации, а с другой — для выхода пара недовольства.
- В последние годы белорусская власть заметно расширила понятие государственной идентичности, которое она транслирует. Кроме патернализма, советскости и культивирования стабильности в идеологии режима теперь есть акцент на независимость, сбалансированную и многовекторную внешнюю политику, нейтрально-миротворческую роль в регионе. Были сделаны первые шаги по развитию национальной идентичности, так называемой мягкой белорусизации.
- Белорусское общество остается в своем большинстве пророссийским при стабильном проевропейском меньшинстве в 25–35 %. Однако

поддержка евразийской интеграции и действий Москвы на международной арене не означает, что белорусы готовы жертвовать суверенитетом и разделять с россиянами издержки внешней политики Кремля. Во внутренней политике у Лукашенко и его противников есть по 20–30 % преданного электората. Остальная часть общества меняет предпочтения в зависимости от экономической ситуации.

- Внешняя политика Минска за последние 10 лет стала более прагматичной. Это связано и с необходимостью балансировать в условиях постоянных конфликтов Москвы с соседями и Западом, и с сокращением российской поддержки. Энтузиазм по поводу евразийской интеграции сошел на нет, но есть понимание, что сегодня ей нет альтернативы. Отношения с ЕС из предмета торга для выбивания уступок из Москвы превращаются в самостоятельный и значимый вектор внешней политики.
- Белорусские элиты по-прежнему монолитны и сплочены вокруг лидера. Однако в последние годы выделилась группа более прогрессивных чиновников высшего эшелона, в основном в экономических ведомствах. Они стараются убедить Лукашенко пойти хотя бы на рыночные реформы. До ослабления режима они будут лояльны президенту, но уже сегодня начинают просматриваться контуры будущего раскола элит.
- Белорусской системе хватит запаса прочности, чтобы Лукашенко успел состариться на своем посту. Но повторение и углубление экономических кризисов, вместе со сменой поколений в элитах, будут подталкивать его к реформам. Старение Лукашенко, экономическая турбулентность и появление в стране автономного от власти крупного бизнеса, скорее всего, нарушат монолитность номенклатуры, что положит начало трансформации режима.
- В Белоруссии нет ни внутренних, ни внешних предпосылок для повторения украинского сценария. Ничтожно мала вероятность и революционной смены власти, и резкого изменения внешнеполитической ориентации. Но даже если допустить возможность такого развития событий, оно вряд ли приведет к военной агрессии со стороны Москвы. Для того чтобы удержать Белоруссию в российской орбите, Кремлю выгоднее использовать экономические методы воздействия: как более эффективные, менее затратные и менее рискованные.

Введение

Белорусский президент Александр Лукашенко и его режим — success story в мире автократов. Врожденное политическое чутье помогло ему не только оказаться в нужном месте в нужный момент, но и выстроить — не имея для этого особых природных или стратегических ресурсов — комфортный для себя формат отношений с собственным народом и внешними силами.

Лукашенко за 23 года смог создать один из самых консолидированных и адаптивных авторитарных режимов на постсоветском пространстве, а возможно — и в мире. Попытаемся проанализировать феномен белорусской государственности, ее слабые и сильные места. Попробуем разобраться, на чем держится белорусская политическая модель, насколько она устойчива к потенциальному внешнему давлению, каковы риски ее расшатывания и перспективы эволюции.

Российско-украинский конфликт изменил взгляд западных СМИ на Восточную Европу. Если раньше страны этого региона рассматривались блоком как «идущие по европейскому пути реформ — застывшие в авторитаризме», то теперь добавился новый популярный ракурс — «следующие жертвы Кремля». Не стала исключением и Белоруссия, отношения с которой у России в последние годы осложнились по многим направлениям.

Белоруссия — самая русифицированная республика бывшего СССР, военный союзник России, привязанный к ней поддюжиной интеграционных объединений и почти полной ресурсной зависимостью. 90 % белорусов регулярно или иногда смотрят новости по российскому ТВ¹. В глазах Запада Белоруссия выглядит уязвимой перед лицом российской экспансии. В общении с западными журналистами уже почти невозможно избежать вопроса о том, когда и как произойдет силовая инкорпорация Белоруссии в Российскую Федерацию. Этот вопрос также требует ответа.

Консолидация режима

Приход к власти в Белоруссии в 1994 году политика такого психологического типа и таких идеологических взглядов, как Александр Лукашенко, был не случаен. Первые постсоветские годы вялых рыночных реформ, низкий уровень жизни, растущая коррупция и преступность, слабая национальная идентичность и отсутствие демократических традиций,

В Белоруссии выстроена по-своему эффективная вертикаль власти, в которой президент принимает все ключевые решения.

ностальгия большинства населения по стабильным годам СССР, доминирование в обществе пророссийских настроений, усталость от бывшей партийной номенклатуры, которая продолжала управлять уже независимой республикой, — все это сформировало запрос на молодого и энергичного популиста, который смог бы навести порядок сильной рукой, восстановить связи с Россией и пересажать всех жуликов во власти.

Харизма первого президента Белоруссии, стиль и легитимность его правления были и во многом остаются народными. Институты формальной демократии Лукашенко тяготили. Президент почти сразу вступил в конфликт с парламентом и конституционным судом.

На установление и консолидацию режима личной власти у Лукашенко ушло два года.

Конституционный референдум 1996 года и сопутствовавшие ему политические решения поставили под контроль Александра Лукашенко исполнительную и судебную власть, Центральную избирательную комиссию (ЦИК), местные исполкомы, профсоюзы, силовые и правоохранительные структуры, все телеканалы и крупнейшие газеты страны. Парламент утратил полномочия и лишился оппозиции. Указы президента оказались выше законов.

Государство в короткие сроки укрепило свое господствующее положение в экономике и свернуло начатую ранее приватизацию. Влиятельные силовые и контрольные инстанции, обилие госрегулирования, зависимые суды и легкость, с которой можно было национализировать любую собственность, обеспечили власти политическую лояльность бизнеса.

В 2004 году, после нового конституционного референдума, Александр Лукашенко получил доступ к пожизненному президентству. В Белоруссии выстроена по-своему эффективная вертикаль власти, в которой президент принимает все ключевые кадровые и экономические решения, вплоть до снятия и назначения глав городов и районов, судей низших судов и директоров крупных заводов. Ротация элит не обеспечивается правящей партией, поскольку такой партии в Белоруссии вообще нет. Для продвижения на высшие руководящие посты кандидатам нужны персональная лояльность, общность взглядов с президентом и управленческий опыт, подходящий в глазах Лукашенко для той или иной должности.

Консолидация режима сопровождалась маргинализацией оппозиции и постепенным сужением поля деятельности гражданского общества и негосударственных СМИ. Так было до 2008 года, потом «гайки» периодически ослаблялись, когда это было нужно для геополитического маневрирования и сближения с Западом. Но менялось при этом только поведение власти. Законы и институты авторитаризма оставались нетро-

нутыми или ужесточались, давая государству возможность в любой момент оперативно вернуться к нужной степени репрессивности.

Экономическая модель, построенная Лукашенко, а вернее — сохраненная им со времен СССР, — это обилие госрегулируемого, государственные монополии и высокий уровень перераспределения доходов. Убыточные госпредприятия поддерживаются через систему прямых дотаций, льготных кредитов и перекрестного субсидирования — тарифы на электричество, например, для них могут быть в разы ниже, чем для частного бизнеса. До недавнего времени государство производило около 60 % ВВП страны и давало работу примерно такой же доле занятого населения. С кризисом 2015–2016 годов эта доля снизилась, по данным МВФ², до 50 %.

Тот же кризис повлиял и на некоторые элементы социального государства: был повышен пенсионный возраст, допущена умеренная безработица — но система по-прежнему нацелена на сглаживание разрыва между богатыми и бедными. По индексу Джини, который фиксирует социальное расслоение, Белоруссия традиционно выглядит лучше большинства стран региона³.

Одним из столпов белорусского авторитаризма стали особые отношения Минска с Москвой. Умело играя на российских имперских амбициях, нежелании Москвы терять союзника и рисковать политической стабильностью в Белоруссии, важной с точки зрения поставок углеводородов в Европу, Лукашенко смог добиться от Москвы пусть и не бесперебойной, но в целом устойчивой в долгосрочном измерении экономической и политической поддержки.

Управление рисками

Лукашенко не ограничился установлением институционального контроля над страной. Отчасти сознательно, отчасти следуя своим политическим инстинктам, белорусский президент создал своеобразную систему самозащиты авторитаризма — множество механизмов для оперативного купирования потенциальных рисков стабильности системы. Таких базовых рисков у режима Лукашенко три: массовые протесты, раскол или заговор элит и внешнее давление. Рассмотрим каждый подробно.

Начнем с того, что значительная часть белорусов априори исключена из сферы политической активности из-за того, что в экономике доминирует госсектор. Благодаря широко используемой контрактной системе, когда наниматель не обязан продлевать трудовой контракт по истечении его, обычно годового, срока, у власти есть серьезный рычаг влияния на большую часть занятого населения. Аналогично студенты, потенциальный актив недовольной части общества, боятся быть исключенными из вузов, большинство из которых также являются государственными.

Белорусская власть гибка, она умеет работать с общественным недовольством не только методами кнута, но и пряника.

Власть стремится минимизировать протесты. Для проведения любого массового мероприятия в Белоруссии надо получать разрешение местных властей. «Меню» причин для отказа у них настолько большое, что подходящий повод может быть найден буквально для любого случая.

Собрать тысячи людей на несанкционированный протест сложно не только потому, что его политические перспективы туманны — нет ресурса на физическую борьбу с силовой машиной государства, но и потому, что потенциальные участники акций четко понимают, какие их ждут последствия: всегда был и остается риск получить административный арест и быть задержанным с применением силы. Власть сознательно не отступала от этого правила до оттепели августа 2015-го — февраля 2017 года, когда за участие в неразрешенных акциях только штрафовали. После того как полтора года либерализации режима стали давать свои плоды и страх выйти на акции против декрета «о тунеядстве» в регионах начал сходить на нет, силовикам дали команду возобновить привычную практику.

В преддверии возможных массовых акций силовики прибегают к превентивным задержаниям: лидеров и активистов оппозиции не допускают к месту проведения акции под разными предлогами — проверка документов, которая затягивается на несколько часов, пробивание по базе номеров автомобиля, который якобы может находиться в угоне, или простое административное задержание с последующим обвинением в мелком хулиганстве (например, «нецензурно ругался на улице», а свидетели — милиционеры).

Белорусская власть гибка, она умеет работать с общественным недовольством не только методами кнута, но и пряника. Пряник, конечно, не используют в случае оппозиционных протестов вроде акций против фальсификации на выборах — тут с недовольными обходятся просто как с врагами системы. Если, однако, власти, и лично Александр Лукашенко, чувствуют, что за протестом стоит широко распространившееся недовольство, они могут пойти на частичные уступки основной массе протестующих. При этом лидеров протеста все равно наказывают, как бы отсекая их от большинства недовольных и посылая этому большинству сигнал, что есть рамки, за которые выходить не стоит.

В 2011 году автомобилисты, возмущенные резким повышением цен на бензин, заблокировали центральный проспект Минска, сымитировав поломки машин. Несколько человек задержали и оштрафовали. Но в тот же день президент лично снизил цены на топливо⁴. К новой цене все равно пришли, но повышали ее постепенно, не давая недовольным нового повода для самоорганизации — не будешь же протестовать из-за роста цен на 1 %, пусть и каждые пару недель.

Полгода спустя работники добывающего предприятия «Гранит» массово вышли из официального профсоюза и подали заявления на вступление в независимый, одновременно протестуя против задержек зарплат. Лидера этого возмущения и руководителя нового профсоюза уволили, остальным выплатили зарплату, подняв ее в полтора раза⁵.

Схема работает и в масштабе всей страны — последние протесты «нетунядцев» весной 2017 года подавили достаточно жестко, с сотнями задержаний и арестов. Но в то же время Лукашенко уступил, приостановив на год действие скандального декрета и пообещав исключить из него наиболее одиозные положения⁶.

При этом пропагандистские усилия власти направлены на дискредитацию протеста как такового и эксплуатацию исторически присущего белорусам страха перед социальными потрясениями. Гимн страны начинается со слов «Мы, белорусы, мирные люди». Этот же образ культивируется и машиной государственных СМИ, которая использует примеры зарубежных насильственных революций и последовавших за ними войн и хаоса.

Серьезный риск для любого авторитарного, а особенно персоналистского, режима исходит от элит — это может быть недовольство, заговор, переворот или раскол. Две «прививки», которые Лукашенко делает для профилактики такого развития событий, — это кадровая политика и культивация идеи безальтернативности власти.

Белорусский президент, как правило, не назначает на важные посты, особенно на должность главы правительства, харизматичных, амбициозных, слишком инициативных и публично активных людей. Сами чиновники, уже занимающие высокие должности, знают об этом и стараются не выделяться, не быть публичными, не раздавать много интервью, прятать свои семьи от журналистов.

Цель такой кадровой политики в том, чтобы ни у самих элит, ни у общества не возникло ощущения, что кто-то стабильно занимает место № 2 в вертикали власти. В Белоруссии нет и не должно появиться явного преемника или фаворита в глазах элит.

Из трех сыновей Александра Лукашенко младший, Николай, пока не подходит на роль преемника из-за совсем юного возраста. Средний, Дмитрий, далек от политики. Больше всего преемнических черт у старшего сына, Виктора. Он — помощник президента по национальной безопасности, по сути — «смотрящий» за силовыми структурами. Он курирует работу одной из них, Оперативно-аналитического центра (ОАЦ), и входит в состав совета безопасности страны.

Но даже этого недостаточно для консолидации вокруг Виктора Лукашенко серьезной части номенклатуры. Белоруссия не Средняя Азия,

Лукашенко, как правило, не назначает на важные посты харизматичных, слишком инициативных и публично активных людей.

здесь нет монархических традиций наследования трона. Принадлежность к семье Лукашенко не добавляет легитимности ни в глазах народа, ни в глазах элит. Во всех публичных выступлениях на эту тему президент подчеркивает, что его дети не хотят для себя судьбы отца, да и он сам не видит их в роли своих преемников. Сегодня эта позиция выглядит искренней.

В Белоруссии действует несколько силовых структур: МВД, КГБ, Совет безопасности, Следственный комитет, прокуратура, ОАЦ и Минобороны. Они взаимно уравнивают друг друга, а порой и конкурируют между собой. Особняком стоит служба безопасности президента, полномочия которой едва ли вообще чем-то ограничены.

Чтобы не допустить формирования кланов среди силовиков или того, что сотрудники какого-либо из ведомств проявят большую лояльность своему начальнику, чем президенту, Лукашенко регулярно проводит перетасовки кадров. Если Лукашенко подозревает, что тот или иной силовик уже не так ему предан, как раньше, он немедленно переводит его на должность, лишённую силовых полномочий, или отправляет на пенсию.

Чтобы у чиновников не возникало иллюзий, что существуют неприкасаемые, Лукашенко держит их в тонусе, регулярно заводя уголовные дела, обычно связанные с коррупцией. Редкие случаи перехода видных чиновников в оппозицию, которые происходили еще 10–15 лет назад, стабильно заканчивались уголовным преследованием — чтобы остальным неповадно было. Предать доверие президента в этой системе — главный грех.

Наконец, существуют внешние риски. Высокая степень зависимости белорусской экономики от РФ, широкий охват населения Белоруссии российскими СМИ и военная интеграция двух стран свидетельствуют о том, что у Москвы есть определенный ресурс влияния на белорусскую внутреннюю политику.

Учитывая это, Лукашенко с первых лет своего правления позиционирует себя в глазах Кремля настолько безальтернативным гарантом белорусско-российской дружбы, что каждый из трех сменявших друг друга президентов РФ, размышляя в моменты споров, кормить или не кормить Минск, в итоге всегда выбирал первый вариант. С точки зрения российского руководства, издержки в этом случае всегда оказываются меньше, чем расходы на то, чтобы удержать Белоруссию в своей орбите, если в ней после сокращения российской поддержки произойдут внутренние потрясения и неконтролируемо сменится власть.

Для того же, чтобы у России вдруг не возникло идеи самой сменить власть в Белоруссии, в стране есть только проевропейская оппозиция и не допускается появления пророссийской. Любые попытки создать такие структуры пресекаются спецслужбами. Нельзя, чтобы у Москвы возник план «Б», — монополия на пророссийский вектор в белорусской политике должна оставаться у Лукашенко. Чиновники, в отношении которых есть подозрения в чересчур тесных связях с Москвой, не будут до-

пущены на важные посты, если о важных постах вообще можно говорить в белорусских условиях.

Маргинализация альтернативы

Несмотря на раскрученный бренд «последней диктатуры Европы», в Белоруссии легально функционирует несколько оппозиционных партий и десятки критично настроенных по отношению к власти неправительственных организаций (НПО). Власть позволяет им существовать из-за того, что они выполняют следующие три функции: легитимируют действующую политическую систему, дают обществу канал для выхода недовольства и позволяют держать актив недовольных на виду, не выталкивая их в подполье.

В белорусской оппозиции представлен весь классический спектр европейской политики: от националистов и христианских демократов до либералов-рыночников, зеленых и социал-демократов. Есть даже левая партия «Справедливый мир», собранная из бывших коммунистов, не захотевших поддержать Лукашенко 20 лет назад. И хотя по закону эти партии должны насчитывать не менее 1000 членов, сегодня у них остались в лучшем случае сотни, у некоторых — лишь десятки активистов. Остальные числятся в списках формально.

Кроме партий есть политические кампании и движения, которые обычно создаются под конкретного кандидата перед президентскими выборами. Их идеология более размыта: «за все хорошее, против всего плохого». Некоторые из них живут в политике столько, сколько их лидер, некоторые переживают его.

Все эти структуры оппозиционны Александру Лукашенко по четырем линиям идеологического раскола: демократия/авторитаризм, сближение с ЕС/интеграция с Россией, культивирование белорусской идентичности/отказ от него, рыночная экономика/командная система. Каждая партия выбирает свой акцент. Из схемы немного выбивается партия «Справедливый мир», которая считает курс президента недостаточно социально ориентированным и не настаивает на сближении с ЕС. Но эта партия менее заметна и активна, чем проевропейские силы.

Суммарный рейтинг поддержки формальных оппозиционных структур даже в периоды падения рейтинга власти не превышал 20 %⁷. Основная причина — разочарование даже недовольной части белорусского общества в способности оппозиции объединиться и представить консолидированную программу развития страны на случай, если власть вдруг попадет к ним в руки. Постоянные внутренние споры и расколы в стане противников власти только поддерживают этот негативный образ.

В 2001 году, на вторых президентских выборах, против Лукашенко был выставлен хоть и не харизматичный, но единый оппозиционный

кандидат — профсоюзный лидер Владимир Гончарик. В 2006-м демократических кандидатов было уже два — «единый» Александр Милинкевич и Александр Козулин, поддержанный теми, кого не устроил Милинкевич. В 2010-м альтернативных Лукашенко кандидатов было девять. Власть с удовольствием зарегистрировала их всех, несмотря на большие сомнения, что хотя бы трое из них собрали необходимые для выдвижения 100 тысяч подписей. В 2015-м демократический кандидат был один — Татьяна Короткевич, но за недостаточную резкость по отношению к власти ее подвергла остракизму абсолютно вся остальная оппозиция.

Причин такой разобщенности две. Во-первых, серьезный кадровый голод и нехватка новых лиц в белорусской оппозиции. Многие лидеры возглавляют свои партии столько же, сколько Лукашенко правит страной. Они держатся за свои места — быть в оппозиции к власти стало хоть и рискованной, но профессией. Никаких механизмов самоочищения руководства оппозиционных структур не существует: так же, как власть теряет обратную связь с обществом в отсутствие конкурентных выборов, ее теряет и оппозиция. Все провалы списываются на действия режима.

Во-вторых, у оппозиции нет стимула объединяться, потому что даже широкая коалиция не привела бы к успеху на выборах, где голоса считают отобранные властью люди, не давая наблюдателям контролировать процесс. Из-за многих лет безуспешной борьбы и отсутствия надежды на победу в обозримой перспективе оппозиционные политики просто не видят смысла жертвовать своими лидерскими позициями в небольших структурах ради роли второй скрипки в коалиции с непонятными целями.

Но и у такой слабой оппозиции есть важный институциональный потенциал. Любому, даже изначально аполитичному протесту, который возникал и будет возникать в белорусском обществе, нужно политическое представительство и координация. Единственные, у кого есть хоть какой-то организационный опыт, кто может хотя бы банально принести на митинг мегафоны, — это представители оппозиционных партий. Например, за неимением других выразителей народного недовольства оппозиция смогла быстро возглавить недавние социальные протесты против декрета «о тунеядство» по всей Белоруссии.

Негосударственные СМИ, акции протеста и выборы, когда власть обязана давать минимальный доступ к эфиру всем кандидатам, остаются единственными каналами коммуникации оппозиции с народом. Этого мало для того, чтобы переломить апатию и развеять недоверие массового избирателя.

Белорусы в большинстве своем не относятся к власти как к чему-то, что может измениться от их усилий, а скорее воспринимают ее как погодное явление. Когда на улице тепло, люди рады, когда дождь — недовольны.

Белорусы в большинстве своем не относятся к власти как к чему-то, что может измениться от их усилий.

Они могут даже в сердцах выругаться, если ливень льет несколько дней подряд. Но объединяться в антидождевую партию или выходить на улицу протестовать против снегопада большинство не считает осмысленной тратой времени и сил.

Метаморфозы белорусской идеологии

Как и у любого политика, у Лукашенко, когда он шел к власти, было свое видение Белоруссии, своя версия белорусской идентичности. Многое он почерпнул из жизненного опыта — детства в советской деревне, управления колхозом и политической борьбы с тогдашней столичной номенклатурой.

Основа идеологии Лукашенко — сохранение и развитие лучших в его понимании аспектов советского прошлого. Белоруссию многие называли самой советской республикой СССР, это был своеобразный индустриальный хаб Советского Союза. На Всесоюзном референдуме в марте 1991 года 83 % белорусов проголосовали за сохранение СССР⁸. Проект строительства национального государства, предложенный националистами и демократами в начале 1990-х годов, был чужд не только Лукашенко, но, надо признать, и большей части белорусского общества.

Почва была благодатной не только для прихода к власти Лукашенко с его взглядами, но и для первых шагов по ресоветизации Белоруссии. Уже через год после вступления в должность первый белорусский президент провел референдум и вернул стране чуть видоизмененную советскую символику, придал русскому языку статус государственного и провозгласил курс на интеграцию с Россией.

Спустя несколько лет в страну вернулись субботники, культ победы в Великой Отечественной войне, аналог комсомола — БРСМ, празднование 7 ноября, заместители по идеологии на крупных предприятиях и курсы этой самой «идеологии белорусского государства» в вузах.

Однако внятно сформулировать идеологию не получилось. На лекциях студентам читали новейшую историю страны и обзор мировых идеологий. Сам Лукашенко признал провал этой затеи в 2010-х, а в конце 2016 года идеологическую вертикаль стали сокращать, начав с идеолога № 1 — замглавы администрации президента.

Со временем изменились и аспекты идеологии, связанные с идентичностью страны. По мере того как народ и элиты привыкали к жизни в отдельном государстве, ссор с Россией становилось все больше и затухал энтузиазм по поводу постсоветской интеграции, смещались акценты и в официальном дискурсе.

Все чаще и все искреннее власть стала говорить о суверенитете как о высшей ценности. В 2015 году словосочетание «независимая Беларусь» впервые появилось в главном предвыборном лозунге Лукашенко. Интеграция

с Россией перестала быть путеводной звездой и преподносилась теперь как экономическая неизбежность. По пути интеграции власть обещает идти только до тех пор, пока это не угрожает суверенитету Белоруссии. Сам

Лукашенко сформулировал это так: мы с Россией живем в одном доме, но в отдельных квартирах⁹.

Участие президента в советских ритуалах — это не проявление идейного энтузиазма, а дань уважения политическим традициям.

Международный штрих к этому образу должно было добавить представление о Белоруссии как об эдакой восточноевропейской Швейцарии, нейтральной площадке для разрешения региональных конфликтов, в первую очередь — украинского. Отсюда нежелание занимать какую-либо сторону вссорах

России с внешним миром, будь то с Вашингтоном, с Киевом или с Анкарой. Минск старается таким образом нивелировать тот факт, что находится с Россией в Союзном государстве и одном военном блоке — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Имидж проводника мира в регионе идейно подпитывает и внутренний нарратив о том, что для Белоруссии главное — стабильность. Эта простая риторическая уловка свойственна многим авторитарным режимам: мол, мы не права человека ущемляем и оппозицию ограничиваем, а бережем покой граждан и стабильность в стране. Но в Белоруссии стабильность стала политическим мемом. Безусловных сторонников власти, которых в СССР грубо называли бы «совками», в Белоруссии зовут «застабилами».

Идеологическое оформление внутренней политики понемногу эволюционирует. После начала российско-украинского конфликта власть стала вводить отдельные элементы национально ориентированной повестки. В стране началась мягкая белорусизация — очень постепенное расширение сферы использования белорусского языка, популяризации досоветской истории Белоруссии и национальной символики.

Сам Лукашенко впервые выступил на белорусском языке, в школах увеличили количество часов его изучения. Власть с меньшей агрессивностью стала относиться к национальным символам (бело-красно-белый флаг и герб «Погоня»), в стране началась мода на вышиванки, орнамент с них перекочевал на форму футбольной сборной. Этот процесс неустойчив, власть не проявляет здесь особого энтузиазма, но больше и не препятствует ему.

Скорее наоборот: силовики на время перестали фокусироваться только на прозападной «пятой колонне». Несколько людей оштрафовали за оскорбление белорусского языка в соцсетях. Три автора российского агентства «Регнум», выступавшие с резкой критикой белорусизации и суверенитета Белоруссии как такового, были арестованы за разжигание национальной розни.

При этом от советского идейного наследия власть не отказывается. Никуда не делась ностальгия президента по собственной молодости.

сти. Поэтому он ежегодно выходит на субботник со строителями и поздравляет страну с годовщиной Октябрьской революции, толкуя ее как предпосылку создания БССР — предтечи сегодняшней независимости. Участие в советских ритуалах — это не проявление идейного энтузиазма, а что-то вроде дани уважения политическим традициям.

Отчасти нежеланием прощаться с советским прошлым объясняется и психологическая неготовность Лукашенко и части элиты идти на приватизацию крупных, но неэффективных промышленных гигантов — МАЗа, БелАЗа, Минского тракторного завода и т. д. Президент называет эти предприятия белорусскими брендами. Хотя на деле многие из них уже давно символизируют хроническую убыточность и работают на склад.

Несмотря на то что власть сконцентрирована в руках Лукашенко уже 23 года, в стране нет культа личности в привычном советском или современном среднеазиатском понимании. Нет улиц имени Лукашенко, его бюстов или памятников, портретов на деньгах или билбордах, даже во время выборов. Персонализм белорусского авторитаризма проявляется в мелочах — в статье УК за оскорбление президента, в традиционном обращении «уважаемый Александр Григорьевич» от чиновников и в наличии комнаты-музея Лукашенко в могилевском вузе, где он учился.

Если образ Лукашенко и культивируется пропагандой, то не как квазибожества в традициях восточных деспотий, а как наиболее опытного и надежного руководителя, который вывел страну из хаоса 90-х. Это функциональный, а не персональный культ. Отчасти и поэтому сценарий передачи власти сыновьям президента в Белоруссии менее вероятен, чем может показаться стороннему наблюдателю.

Единый и расколотый народ

Общественное мнение в Белоруссии исследовано плохо. Проведение опросов на политические темы жестко регламентировано и по факту монополизировано государством. Результаты исследований околоправительственных структур либо не публикуются, либо выглядят как продукт пропаганды, дублирующий данные ЦИК на выборах. Лишь один негосударственный центр, НИСЭПИ (партнер «Левада-центра»), проводил ежеквартальные опросы по общественно-политическим темам с 1992 года до недавнего времени¹⁰.

Белорусское общество географически гомогенно. Доминирование православия на востоке и в центральной части страны и большой процент католиков на западе Белоруссии не влияют на основные социологические показатели. Запад и восток страны в целом одинаково смотрят на Россию, Европу, Лукашенко и оппозицию, необходимость реформ и т. д.

Вначале об общих цифрах¹¹. Отвечая на жестко поставленный вопрос «или-или», то есть выбирая между объединением с Россией и вступле-

нием в ЕС, от 40 до 50 % белорусов, в зависимости от года исследования, выбирают Россию. От 25 до 35 % — Евросоюз. Эти цифры объясняются не только пропагандой или исторической близостью русского и белорусского народов, но и довольно прагматичным пониманием, что белорусская экономика зависит от российской, а внятного альтернативного предложения от Брюсселя нет.

Лишь после белорусско-российской информационной войны 2009–2010 годов и совпавшего с ней по времени потепления отношений с Западом проевропейские настроения были либо наравне с пророссийскими (в районе 40–45 %), либо даже в отдельные месяцы вырывались вперед. Этот период был коротким, но он показал, что геополитическая ориентация белорусов зависит от информационного вектора. Конфликт на Украине и сопровождавшая его пропаганда вернули пророссийским настроениям двукратный перевес, но к середине 2016 года графики снова стали сближаться.

Если, однако, ставить вопрос по-другому и дать респондентам выбор между (1) статус-кво и присоединением к РФ либо (2) статус-кво и вступлением в ЕС, в обоих случаях сохранение сегодняшнего суверенитета выигрывает с одинаковым почти двукратным перевесом — 50 % против 25–30 %, при оставшихся 20–25 % отказавшихся голосовать на этом ображаемом референдуме. А значит, на реальном референдуме «фракция суверенитета» набрала бы больше 65 %. Белорусы привыкли к независимости и стали ценить ее.

Об этом свидетельствуют и опросы на тему возвращения в СССР. В 1990-х ностальгировавшие по Большой стране были в большинстве, но с 1999 года кривая противников возвращения пошла вверх. Сегодня их около 60 % — при 25–30 % сторонников отката в прошлое.

При этом устойчивыми остаются симпатии белорусов к евразийской интеграции — ее поддерживают около 60–65 %¹². Евразийский экономический союз (ЕАЭС) не воспринимается как угроза независимости страны благодаря официальному дискурсу, согласно которому объединение с Россией не может перейти из экономического в политическое.

На эти общественные настроения идеально легла новая внешнеполитическая установка Минска — нейтралитет и невмешательство в конфликты, в которых участвуют соседи Белоруссии, в первую очередь Россия.

При 55–65 % сторонников российской позиции в украинском конфликте («Крым наш», «в Киеве произошел госпереворот», «на Украине идет гражданская война»), три четверти белорусов не одобряют участие сограждан в боях с любой стороны и выступают против предоставления белорусской территории российским властям, если те захотят ввести войска на Украину с севера¹³.

65 % не согласны присоединяться к продовольственным санкциям Москвы против Запада. В конце 2015-го — первой половине 2016 го-

да, во время конфликта России и Турции из-за сбитого бомбардировщика, лишь каждый шестой белорус выступал за полную поддержку Белоруссией российских санкций против Турции. Больше 50 %, несмотря на популярность российского телевидения, сказали, что Минску вообще не надо вмешиваться в этот спор¹⁴. Похожие результаты были по вопросу размещения в Белоруссии российской авиабазы: 43 % — против, 22 % — за, остальным безразлично.

Российская пропаганда успешно сработала в вопросе формирования симпатий к РФ, но не смогла мобилизовать белорусов на защиту российских интересов. Причина именно в том, что за годы независимости белорусы научились отделять их от своих. Они говорят: братья-россияне, мы морально с вами, но не собираемся с кем-то ссориться или нести издержки из-за ваших конфликтов.

По вопросам внутренней политики общественное мнение достаточно конъюнктурно. У Александра Лукашенко и демократической оппозиции есть примерно одинаковое ядро сторонников — по 20–25 %, которые убежденно стоят на своих позициях. Около половины населения социологи назвали «электоральным болотом» — они редко приходят в лагерь оппозиции, но в периоды экономического спада оставляют и Лукашенко.

Кстати, именно публикация данных о том, что электоральный рейтинг президента в очередной раз опустился ниже 30 %, привела к закрытию НИСЭПИ летом 2016 года. С тех пор ВВП Белоруссии только падал и по стране прошла волна экономических протестов, а значит, сегодня за Лукашенко едва ли готовы голосовать больше четверти белорусов.

Поддержка Лукашенко выше среди женщин, им больше импонирует его патриархальный стиль и упор на стабильность. Больше сторонников президента среди менее образованных слоев населения и в сельской местности. Впрочем, везде в мире популистская риторика находит большой отклик в этих группах общества, чем у жителей городов.

По разным опросам, 65–85 % белорусов хотят реформ¹⁵. Вопрос в том, что они под этими реформами понимают. И здесь редкие исследования показывают, что около половины этого большинства хочет увеличения доли государства в экономике, а не ее уменьшения, как рекомендуют Белоруссии все внешние кредиторы — от МВФ до его евразийского аналога, ЕФСР.

Эта левизна — продукт многолетнего государственного патернализма. Здесь Лукашенко попал в ловушку своей собственной идеологии. Белорусы привыкли не только к независимому государству, но и к тому, что только власть может о них позаботиться. Вынужденное сворачивание этой привычной заботы приводит к народному недовольству, что, в свою очередь, понижает и так невысокую готовность власти к рыночным реформам.

В 2015 году началось новое сближение Минска с Западом — более осмысленное, неспешное и с реальной повесткой.

Кристаллизация прагматизма

Внешняя политика Минска так же, как и белорусское общественное мнение, прошла через процесс эмансипации. Дипломатия Белоруссии конца 1990-х отличается от сегодняшней, как непослушный первоклассник сельской школы от сдержанного выпускника столичного вуза.

Если кому-то кажется, что Лукашенко сегодня эмоционален в отношениях с другими странами, этому наблюдателю стоит вспомнить, как вел себя президент 20 лет назад. Тогда глава Белоруссии вообще не сдерживал себя ни во внутренней политике, ни во внешней. Например, в 1998 году, на фоне напряженности в отношениях с ЕС и США и исключения белорусской делегации из ПАСЕ, западных послов просто выселили из их резиденций под предлогом ремонта канализации. Скандал тогда дошел до отзыва дипломатов из Минска.

В том же году Белоруссия, единственная из всей Европы, вступила в антизападное Движение неприсоединения. Лукашенко лично ездил в Белград поддержать Слободана Милошевича во время натовских бомбежек Сербии, а затем яростно вступался за Саддама Хусейна. В те годы белорусский президент был в авангарде сопротивления мировому империализму.

Все это было возможно, пока у Минска были прикрыты тылы. Но затем к власти в России пришел прагматик Владимир Путин. На него не так, как на Ельцина, действовали мантры Лукашенко про общего врага и славянское братство. В Кремле начали выставлять счета. Наричательным стало выражение Путина об «отделении мух от котлет» — речь шла как раз о невнятной позиции Белоруссии по готовности интегрироваться с Россией. Ко второй половине 2000-х энергетические споры Минска и Москвы стали почти ежегодными.

Во второй половине 2000-х годов белорусская дипломатия начала взрослеть и экспериментировать из-за возникшей турбулентности в отношениях с РФ. В конце 2006 года начался серьезный газовый кризис, в 2007-м Москва ввела пошлины на поставки нефти в Белоруссию.

В 2008 году Лукашенко впервые повернулся лицом к Западу, Минск принял в программу «Восточное партнерство» Евросоюза. Причиной для флирта с ЕС стала российско-грузинская война: Москва показала, что танки могут стать аргументом в споре с соседями. Лукашенко освободил политзаключенных, ослабил контроль над СМИ и оппозицией. Евросоюз со своей стороны снял санкции с Белоруссии, в Минск после десятилетнего перерыва начали регулярно приезжать главы европейских государств и министры иностранных дел.

Пиком конфликта с Москвой стал показ по НТВ сериала «Крестный батька». Но накануне своих переВыборов Лукашенко договорился с президентом РФ Дмитрием Медведевым о беспошлинных постав-

ках нефти в обмен на подписи под соглашениями о Таможенном союзе с Москвой и Астаной.

Тыл снова был прикрыт, и когда два года внутренней либерализации дали свои плоды в виде 40-тысячной акции протеста в день президентских выборов, Лукашенко уже не особо задумывался о западном векторе. Разгон демонстрации и уголовное преследование ее лидеров отбросили отношения с Западом назад, но не навсегда.

Первая разрядка в отношениях с ЕС и США возникла как реакция на поведение России и была предметом торга в переговорах с ней. Очевидно, что такая модель априори нестабильна, потому что энтузиазм, с которым Минск стремился к дружбе с Западом, зависел от напряженности отношений с Москвой. Кроме того, и Брюссель, и Минск питали много иллюзий по поводу друг друга: в Европе поверили, что Белоруссия может демократизироваться через сближение с ЕС, а Лукашенко думал, что Запад хотя бы частично компенсирует потери от ссоры с Москвой. Ошиблись все.

В 2015 году началось новое сближение Минска с Западом, на этот раз более осмысленное, неспешное и с реальной повесткой: от упрощения визового режима и диалога по правам человека до прихода европейских банков в Белоруссию и двукратного увеличения техпомощи ЕС. Минск, конечно, хотел бы, чтобы финансовые вопросы обсуждались чаще, а Брюссель не упускает возможности напомнить о правах человека. Но все это уже не мешает интенсивному диалогу.

Триггером второго сближения снова стал конфликт России с соседом, на этот раз — с Украиной. Представление о том, что невыгодно ориентироваться — как экономически, так и политически — только на Москву, укрепилось. Белорусские дипломаты в частных беседах признавались, что сразу после присоединения Крыма с российскими коллегами было просто сложно разговаривать. Они, словно белорусы 15 лет назад, чувствовали себя в осажденной крепости, на острие борьбы с «коллективным западным злом». Только Минску эта борьба уже не нужна. Наоборот, он стремится сформировать полноценный западный вектор внешней политики.

С тех пор Белоруссия дипломатически дистанцируется от России в каждом ее споре с внешним миром.

Присоединение Крыма Минск признает только де-факто, при этом МИД рекомендует белорусским компаниям продолжать печатать карты и атласы с Крымом в составе Украины¹⁶. При каждом удобном случае дипломаты подчеркивают, что выступают за целостность Украины, не уточняя, однако, в каких границах, чтобы не злить Москву.

Военную активность и расширение присутствия НАТО в Восточной Европе Минск подчеркнуто называет «военным вызовом, но не угрозой». Когда Турция сбивает российский бомбардировщик, для Москвы это

«удар в спину», а Минск призывает обе стороны — «братскую Россию и дружественную Турцию» — к сдержанности и деэскалации¹⁷. В России говорят об американском ударе «томагавками» по сирийской авиабазе как об агрессии Вашингтона, а в соответствующем заявлении белорусского Министерства иностранных дел США даже не фигурируют¹⁸.

К интеграции на постсоветском пространстве Минск теперь относится уже не с таким энтузиазмом, как раньше. Изначально Александр Лукашенко предполагал, что в рамках Евразийского союза возникнет новый формат многосторонних переговоров, благодаря которому исчезнет необходимость регулярно договариваться с Россией по чувствительным экономическим вопросам — газу, нефти, доступу белорусских товаров на рынок РФ. Иными словами, этот формат будет гарантировать некий набор предпочтений.

Но в итоге объединение рынков нефти и газа отодвинули на 2025 год, конфликты по-прежнему приходится решать один на один с Кремлем. Не вышло и с бесперебойным доступом к российскому рынку. Во-первых, он сильно просел из-за кризиса 2015–2016 годов. Во-вторых, белорусских производителей часто выключали из программ импортозамещения, считая их иностранными. И в-третьих, как только отношения Минска и Москвы обостряются, Россельхознадзор рапортует об испорченном белорусском молоке или мясе.

Евразийская интеграция стала еще одним разочарованием для Лукашенко. Но альтернативы нет, как нет и возможности выйти, так что Минск старается извлечь из ситуации хоть что-то. Инструмент, который, по задумке, должен был оформить дружбу, используется для шантажа. Чтобы подтолкнуть Москву к уступкам в последнем нефтегазовом споре, Лукашенко бойкотировал саммит ЕАЭС, затянул подписание Таможенного кодекса и угрожал отозвать своих представителей из структур Союза.

Хотя пока и безрезультатно, но Белоруссия продолжает настаивать на необходимости интеграции интеграций — сближении ЕАЭС с Евросоюзом. Делает это она не только для того, чтобы укрепить свой новый имидж регионального миротворца, но и в попытке не замыкаться, хотя бы на уровне риторики, в душных рамках сырой евразийской структуры.

Белорусская внешняя политика за последние 10 лет избавилась от нервозности, эмоций и идеологической нагрузки, стала более прагматичной и расчетливой. Причем не только из-за необходимости балансировать в условиях постоянных конфликтов Москвы с соседями и Западом, но и из-за чувствительного сокращения российской поддержки.

Дело в том, что за годы споров с Минском в Москве избавились от многих иллюзий. Конфликты все еще разрешаются по старой схеме: появление проблем на нижнем уровне, когда они накапливаются — пе-

ревод спора на уровень президентов, эмоциональный торг, иногда переходящий в шантаж с повышением ставок, встреча Лукашенко и Путина, некий компромисс. Но со временем Россия как сильная сторона стала тянуть с разрешением споров все дольше, что позволяет ей идти в итоге на меньшие уступки.

Последний нефтегазовый спор, к примеру, длился почти год и завершился лишь весной 2017-го. При этом уже с осени 2016 года Минск периодически рапортовал о достигнутом компромиссе, но все снова и снова срывалось. В итоге Белоруссия потерпела огромные убытки от недопоставок нефти за время спора, была вынуждена признать и выплатить газовый долг. Россия лишь восстановила прежние объемы поставок нефти и дала скидку на газ меньше 20 %.

Российское руководство смирилось с мыслью, что Лукашенко не готов пожертвовать суверенитетом своей страны. Да, Кремлю по-прежнему важно держать Белоруссию в своей орбите и для имиджа, и с военной точки зрения, а также для стабильного транзита углеводородов в Европу. Но задача, которую Кремль ставит перед собой, изменилась: раньше она состояла в покупке лояльности Лукашенко и поддержании благополучия его системы, теперь — в недопущении ее стихийного обвала. А на это можно сильно и не тратить.

Монолит с контурами будущих трещин

За последние годы изменилась не только внешняя и внутренняя политика Белоруссии, но и ее номенклатура. Чиновники консолидируются вокруг президента и считают его безальтернативным гарантом своих постов и стабильности в стране. Но несмотря на жесткие требования к степени лояльности президенту — Лукашенко часто называет чиновников «государевыми людьми», — в последние годы появился небольшой люфт, который позволяет публично высказать свою позицию, не соответствующую линии партии.

Лукашенко долгое время опирался на старую номенклатуру, своих дисциплинированных ровесников или людей постарше. Но оказалось, что они неспособны к успешному управлению и не могут возразить президенту. Неэффективных, но идейно близких чиновников можно иметь в правительстве в сытые годы бесперебойных российских дотаций и приятной конъюнктуры нефтяных цен. А когда сытые годы заканчиваются, приходится привлекать профессионалов.

После череды девальваций белорусского рубля в 2009, 2011 и в конце 2014 года, спровоцированных как внешними факторами, так и ошибками властей, ключевые посты в Нацбанке, экономическом крыле правительства и администрации президента заняли относительно молодые технократы с рыночными взглядами. Один из них, помощник президен-

Почему Лукашенко не уберет тех, кто его раздражает, с самого верха вертикали? — Дело в короткой скамейке запасных.

та Кирилл Рудый, и вовсе писал книги и статьи с публичной критикой белорусской экономической модели. По сути, он был голосом реформаторов, пока его не перевели на должность посла в Китае. Впрочем, это

его не остановило. Уже в дипломатическом статусе он приехал в Минск и выступил на негосударственном экспертном форуме, где снова раскритиковал силовое давление на бизнес и вообще всю экономическую модель и призвал коллег не бояться делать то же самое¹⁹.

Остальные «либералы» в правительстве действуют иначе — они пытаются непублично убедить Лукашенко пойти на нужные стране рыночные ре-

формы или реализовать отдельные меры по-тихому, не привлекая внимания. Усилиями этих чиновников в Белоруссии с 2015 года проводится сдержанная монетарная политика, курс рубля стал плавающим и стабилизировался, не допускается новая масштабная эмиссия. Был поднят пенсионный возраст, а услуги ЖКХ стали выходить на самоокупаемость. Белоруссия поднялась до 37-й строчки в рейтинге Doing Business. В ближайшем будущем обещан новый шаг в сторону раскрепощения бизнеса, сокращение числа проверок контролирующих органов.

Все это проходит не без сопротивления антиреформистского лобби. В либерализации не заинтересованы силовики и контроллеры — они могут лишиться полномочий, местные чиновники и директорат предприятий — они могут потерять активы. Но главным консерватором выступает сам Лукашенко. И дело не только в том, что он из политических соображений не хочет терять контроль над экономикой, но и в глубоких антирыночных убеждениях президента. Он не доверяет рынку, боится возникновения в стране крупного самостоятельного бизнеса и олигархов, неконтролируемой безработицы и отмирания советских промышленных гигантов — белорусских «брендов».

Именно поэтому он не соглашается на главное требование как МВФ, так и белорусских сторонников рыночной экономики — масштабную приватизацию. В 2016 году президент регулярно очно и заочно спорил с собственным правительством. Лукашенко уже открыто заявляет, что там засели рыночники, которые склоняются в сторону «радикальных идей»²⁰.

Почему же президент не уберет тех, кто его раздражает, с самого верха вертикали? Дело в короткой скамейке запасных. Старые кадры уже в глубоком пенсионном возрасте, а среди молодых профессионалов сложно найти тех, кто не убежден в необходимости структурных рыночных реформ. На самом деле ситуация с сегодняшними реформаторами аналогичная: их относительная либеральность связана с профессионализмом и отсутствием советского бэкграунда, а не с глубокой идеологической установкой.

На политическом фронте менее реакционная часть белорусской элиты представлена МИД и его главой Владимиром Макеем. В том, что

касается внешней политики, он и ключевые дипломаты страны ведут себя как прагматичные люди, которые выступают за то, чтобы перестать зависеть от России, дальше размораживать связи с Европой, а как следствие — вводить более европейские методы управления и развивать идею национальной идентичности. По данным источников в органах власти, руководство МИД в закрытых дискуссиях уже достаточно смело выступает против очередных витков закручивания гаек в стране, поскольку это осложняет им работу на западном направлении.

Важно понимать, что «либералы», как и остальные представители белорусской элиты, сохраняют лояльность президенту и не строят никаких самостоятельных политических планов. Они стараются подлатать систему изнутри, найти аргументы для убеждения Лукашенко, но пока не мыслят вне рамок существующего политического порядка. В случае неожиданной смены власти они бы, безусловно, претендовали на центральное место в новой конфигурации, но они не будут ничего не делать для того, чтобы этот сценарий стал более реалистичным. Белорусская номенклатура остается монолитной. Но появление чиновников, которые мыслят более прогрессивно, говорит о том, что в этом монолите появятся трещины, когда режим начнет слабеть.

Траектории белорусского транзита

Предсказывать будущее любого персоналистского режима — неблагодарное дело, потому что это будущее слишком зависит от лидера, его физического благополучия и множества «черных лебедей». Если в автократии нет подобия коллективного управления или политбюро, загадкой остается не только фигура следующего правителя, но и формат передачи власти.

Александр Лукашенко 62 года, он на два года моложе Владимира Путина. Президент ведет здоровый образ жизни, о нем заботятся лучшие врачи страны, так что аналитики пока особо не задумываются о сценарии внезапного транзита. Но исключать его полностью нельзя.

Если к моменту транзита белорусская номенклатура будет находиться в том же состоянии, что и сейчас (отсутствие кланов, четких элитных групп, сплоченного силового блока и, самое главное, преемника), то мы, скорее всего, увидим хаотичный передел власти. При сохраняющейся зависимости от Москвы и ориентации большинства на РФ поддержанные Кремлем силы, скорее всего, обретут легитимность в глазах номенклатуры и общества. У Запада не будет ни политической воли, ни ресурсов для того, чтобы всерьез вмешаться в происходящее во все еще далекой от него стране.

Поскольку по конституции президент обладает очень широкими полномочиями, новый белорусский режим в случае спонтанного транзита в ближайшие годы, скорее всего, будет таким же персоналистским по сути, но с менее харизматичным лидером во главе. Причина — в общей серости

белорусской номенклатуры, прицельном и многолетнем вычищении ярких лиц. Но, с другой стороны, с серого образа начинал и Владимир Путин.

Более интересным и пока что вероятным выглядит другой сценарий — плавного размывания вертикального режима Александра Лукашенко параллельно с его физическим старением.

Причиной транзита в этом случае, скорее всего, будет экономика. Нервозность из-за хронического кризиса уже выливается в управленческие ошибки президента вроде печально известного налога на тунеядство. Его последствиями стали массовые протесты, новое закручивание гаек, временная напряженность в отношениях с Западом — в итоге власть

пошла на попятную, приостановив действие декрета. Подобные ошибки будут случаться чаще по мере углубления кризиса и на пару с народным волнением будут вносить в систему элемент турбулентности.

Истощение внешних и внутренних ресурсов, которые поддерживают нынешнюю модель экономики, будет подталкивать Лукашенко к ее разгосударствлению. Все большая доля ВВП будет производиться в частном

секторе, в котором появятся крупные бизнесмены, протоолигархат. Эти люди естественным образом захотят конвертировать свое экономическое влияние в политический голос. Параллельно продолжится смена поколений в номенклатуре, доля и влияние чиновников с более рыночными, чем у президента, взглядами, будет расти. Вполне органичным выглядит их тактический союз с представителями нового крупного бизнеса.

Все это может стать реальностью через 5–7, или 10–12, или даже 15 лет. На столько же станет старше и Александр Лукашенко. Вопрос о преемнике будет стоять острее, чем сегодня. Открыто или нет, но его начнет ставить и номенклатура. После этого страна, скорее всего, придет к более мягкому и олигархическому авторитаризму по образцу сегодняшней Армении или Молдавии во время правления Владимира Воронина.

Нельзя сказать, что белорусский президент не думает о вопросе транзита. За последний год он несколько раз намекал на возможный референдум по изменению конституции. Глава белорусского ЦИК Лидия Ермошина недавно признала, что президент обсуждал с ней возможность перехода к смешанной избирательной системе, а значит — увеличению роли партий в политике²¹. Последние месяцы Лукашенко об этом не говорит — он был занят протестами и улаживанием споров с Россией, но, когда эти проблемы уже не будут стоять так остро, тема референдума, скорее всего, вернется в публичный дискурс.

Эксперименты с конституцией не свойственны белорусскому президенту. Поэтому, если он на них решится, речь будет идти о серьезной и долгосрочной стратегии. А именно — подготовке системы к приближающемуся плавному транзиту. Скорее всего, через создание правящей

Каким бы ни был сценарий транзита белорусского политического режима, он почти наверняка не повторит украинский.

партии, чтобы консолидировать элиты вокруг будущего преемника и сделать его положение более устойчивым.

Пока невозможно предсказать, по чьему сценарию пройдет эта передача власти: окрепнувших и давящих на президента групп элит или самого Лукашенко, осознающего риски неконтролируемого обвала системы при его спонтанном уходе.

Роль Москвы в этом процессе будет пропорциональна степени зависимости белорусской экономики от России на момент транзита власти. Но в любом случае эту роль не стоит преувеличивать. Фаворитом элит на первых президентских выборах в 1994 году был премьер-министр Вячеслав Кебич с максимально пророссийской программой и давними связями в Москве. Но харизма Лукашенко и его стремительное политическое восхождение быстро все изменили — переориентировалась как номенклатура, так и Москва.

Конечно, сегодня Кремль хочет большего контроля над соседними странами, чем в середине 1990-х. Но если базовые интересы России при смене власти в Белоруссии будут обеспечены, вряд ли стоит ждать, что она вмешается напрямую или станет продавливать кандидатуру, у которой не будет поддержки белорусской элиты и общества. А у тех политиков, которые хотят порвать связи с Москвой, в обозримой перспективе нет шансов получить такую внутреннюю поддержку.

Разумеется, все эти гипотезы могут оказаться несостоятельными, если Лукашенко внезапно сам назначит преемника и обеспечит таким образом быстрый контролируемый транзит. Или, напротив, вцепится во власть и наделает столько экономических ошибок, что на первое место в процессе смены власти выйдет протестное движение.

Вместо заключения.

Почему Белоруссия не Украина

Журналисты из разных стран, не слишком погружаясь в тему, любят представлять Белоруссию как Украину 2.0. Любые протесты в Минске трактуются как начало Майдана, любая ссора с Россией как предтеча аннексии, любая скромная инициатива властей по развитию идентичности как флирт с белорусскими «бандеровцами». Автор этих строк сам журналист и понимает, насколько сильной бывает тяга к шаблонам и привлекающим внимание заголовкам.

Но иногда хочется реализма. Каким бы ни был сценарий транзита белорусского политического режима, он почти наверняка не повторит украинский — ни в том, что будет происходить внутри страны, ни в отношениях с Россией.

Чтобы протесты привели к смене власти, они должны быть настолько массовыми и упорными, чтобы в голове правителя и его окружения риск

от их подавления перевесил риск от уступок или ухода в отставку. Кроме того, часть правящей элиты должна перейти на сторону протестующих. У них, в свою очередь, должны быть эффективные каналы коммуникации хотя бы друг с другом, в идеале — со всем обществом.

В белорусской власти нет раскола или альтернативных центров силы, силовики не раз доказывали свою преданность. Но даже если оставить это все в стороне, вероятность Майдана в Белоруссии все равно будет стремиться к нулю — из-за критического дисбаланса в стартовых силах. В отличие от Украины, в Белоруссии нет ни общественных, ни политических структур, способных организовать или долго координировать массовый протест. Нет общедоступных телеканалов, влиятельных олигархов, депутатов парламента и целых областей страны, способных открыто поддержать революцию.

У оппозиции нет людских и материальных ресурсов — денег или средств самообороны — для физического противостояния мощной силовой машине. Та же, в свою очередь, заточена на подавление протестов и практикуется в этом последние 15–20 лет. Белорусские силовики в случае угрозы умеют превентивно нейтрализовывать всех потенциальных лидеров протеста, выключать связь и глушить интернет в точках сбора, блокировать онлайн-СМИ и соцсети, не давая людям собираться в назначенных местах и с нужной степенью жесткости задерживать тех, кто все-таки собрался.

В мире протест иногда рождается спонтанно и без лидеров, например, из-за того, что власть сделала что-то возмутительное, но в Белоруссии против этого работает «прививка знания». Люди знают, что протесты никогда не меняли власть в стране, но зато они много раз видели, какой арсенал контрмер есть у силовиков и под какие репрессии можно попасть. Последовательные наказания за протест стали эффективной профилактической мерой, которая демотивирует потенциальных участников акций.

Но ради дискуссии представим, что в результате революции или номенклатурного бунта в Минске неожиданно сменилась власть. Новое руководство оказалось настолько оторвано от экономической реальности и не осознало степень зависимости от России, что появился риск разворота Белоруссии на Запад.

Во-первых, далеко не любая форсированная смена власти в постсоветской стране вызывает такую реакцию России, которая последовала за Майданом 2014 года на Украине. Военная операция с отторжением одной части соседней страны и поддержкой сепаратизма в другой ее части сопряжены с огромными международными рисками, материальными и военными затратами. Чтобы игра стоила свеч, потенциальный разворот бунтующей соседки должен быть по-настоящему угрожающим в глазах Москвы.

Украина в этом смысле сильно отличается от Белоруссии. На Украине была как проевропейская западная часть, которая поддерживала разво-

рот к Европе, так и пророссийская восточная, которая в разной степени его не принимала. Плюс автономный и исторически близкий к России Крым, где уже были развернуты тысячи военнослужащих РФ. Все это — готовая почва для интервенции и игры на противоречиях регионов.

В гомогенной Белоруссии нет ничего из перечисленного: ни большого количества сторонников разворота страны на Запад, ни определенных районов, охваченных этой идеей, ни оппонировавших им белорусских аналогов Крыма или Донбасса. В Белоруссии нет даже мест компактного проживания этнических русских (их всего 7–8 %), чтобы использовать эти территории как отправные точки для гибридной войны. Разыграть карту притеснения русскоязычного меньшинства в русскоязычной стране тоже будет сложно.

На Украине и до, и после революции были слабые институты власти, не было боеспособных силовых структур, но куда важнее — лояльность киевским властям в Донбассе и в Крыму была очень слабой или ее не было вовсе.

Далеко не очевидно, что военные в руководстве Белоруссии и в ее казармах так же легко капитулируют и дезертируют, как многие части ВСУ в Крыму или милиция Донецка. Да, считается, что белорусские силовики пророссийски настроены, хотя таких исследований никто не проводил. Но для того, чтобы быть готовым в момент истины сменить знамя, недостаточно просто симпатизировать России. Нужно еще, чтобы твоя преданность присяге оказалась слабее этой симпатии. Это возможно, когда ты — житель региона или представитель меньшинства (социальной группы), которые чувствуют себя отвергнутыми столичными элитами или остальной страной. Но в Белоруссии нет такого раскола ни географического, ни социального.

Лукашенко чутко относится к угрозам своей власти, и нельзя сказать, что он вообще ничего не предпринял, увидев происходящее на Украине. В 2014–2015 годах были назначены новые министр обороны и секретарь Совбеза — Андрей Равков и Станислав Зась. Оба относительно молоды — им около 50 лет. Оба публично заявляли, что нужно учиться на украинском опыте — укреплять границу и модернизировать армию. В 2016 году в Белоруссии приняли новую военную доктрину, при разработке которой, по словам Равкова, были учтены риски гибридной войны и сделан акцент на спецоперациях.

Все перечисленное означает, что даже в случае невероятного разворота Белоруссии на Запад попытка военным путем вернуть ее в свою орбиту может оказаться для России более затратной и рискованной, чем крымская и даже донбасская операции. Под контроль придется брать всю страну с достаточно боеспособной армией.

Более логично и эффективно для Москвы использовать экономический и энергетический рычаги. В последние годы правления Януковича

доля России в экспорте Украины была около 25 %. У Белоруссии в Россию идет половина экспорта. К тому же Минск на 100 % зависит от российского газа, а белорусская нефтепереработка — от российской нефти.

Возвращаясь в пространство реального, отметим, что все нынешние ссоры Александра Лукашенко с российским руководством и близко не подходят к черте, после которой в Кремле начинают задумываться о военном решении. Даже на пике эмоциональных конфликтов Белоруссия остается самой близкой военно-политической союзницей Москвы, одной из самых экономически зависимых от России постсоветских стран.

Не исключено, что наши потомки будут оценивать этот первый этап белорусской истории — а именно вынужденный союз с Россией с параллельным выстраиванием институтов суверенитета — как один из немногих реалистичных вариантов сохранения независимости, который был у молодой страны со слабой национальной идентичностью, советскими экономикой и ментальностью большей части населения и элиты. Эти оценки, конечно, будут зависеть и от того, насколько мирно и бескровно произойдет переход власти.

Открыт пока и вопрос о том, чем придется заплатить за пророссийскую ориентацию, как сильно она затормозит экономическую и политическую трансформацию Белоруссии. До сих пор российская поддержка не только обеспечивала стабильность белорусской власти, но и ослабляла ее мотивацию к демократизации и построению конкурентоспособной экономики.

Так уж получилось, что этап становления независимая Белоруссия прошла под руку с режимом Александра Лукашенко. Как и у людей, уязвимые и слабые места политической системы — неизбежное продолжение ее сильных черт. Обратной стороной институциональной устойчивости белорусского режима, его монолитности и управляемости стала зависимость этой системы от характера и мировоззрения Лукашенко. А именно — его тяги к власти, консерватизма, страха перемен, ностальгии по СССР и левых взглядов.

Даже если вопреки ожиданиям многих наблюдателей эта система внезапно рухнет, для того чтобы избавиться от основ авторитаризма Лукашенко, тех черт белорусского общества, которые сделали такой режим не только возможным, но и стабильным, потребуются долгие годы, а может быть и десятилетия.

Примечания

- 1 Пресс-релиз по результатам национального опроса в июне-2015. — НИСЭПИ. — 3 июля 2015 года // <http://www.iiseps.org/?p=2678>.
- 2 Republic of Belarus: Staff Report for the 2016 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for the Republic of Belarus. — International Monetary Fund. — 21 September 2016 // <https://www.imf.org/external/pubs/cat/longres.aspx?sk=44279.0>.
- 3 Regional Human Development Report 2016: Progress at Risk. — UNDP in Europe and Central Asia. — 4 October 2016 // http://www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/library/human_development/regional-human-development-report-2016—progress-at-risk.html.
- 4 Лукашенко распорядился снизить с завтрашнего утра цены на топливо. — Белорусский портал Tut.by. — 8 июня 2011 года // <https://news.tut.by/economics/230076.html>.
- 5 Спачатку — пратэсты, потым — заробкі 14–17 мільёнаў. — Радыё Свабода. — 21 декабря 2012 года // <http://www.svaboda.org/a/24805222.html>.
- 6 Совещание об актуальных вопросах развития Беларуси. — Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 9 марта 2017 года // http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-ob-aktualnyx-voprosax-razvitija-belarusi-15736/.
- 7 Важнейшие результаты национального опроса в марте 2016 года. — НИСЭПИ. — 3 апреля 2016 года // <http://www.iiseps.org/?p=3960>.
- 8 Итоги голосования на всесоюзном референдуме о сохранении СССР. — РИА «Новости». — 17 марта 2011 года // <https://ria.ru/infografika/20110317/344858037.html>.
- 9 Обращение с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию. — Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 21 апреля 2016 года // http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-13517/.
- 10 Летом 2016 года, не выдержав давления спецслужб, директор НИСЭПИ решил прекратить работу. Кроме НИСЭПИ были и есть другие центры, которые проводят соцопросы, но либо нерегулярно, что не позволяет следить за динамикой, либо для частных заказчиков, боясь обнародовать политические данные. Тем не менее их редкие публикации хотя бы позволяли верифицировать данные НИСЭПИ, поэтому мы будем опираться на эти цифры.
- 11 Актуальные тренды. — НИСЭПИ. — 3 июля 2016 года // <http://www.iiseps.org/?p=114>.

- 12 Интеграционный барометр ЕАБР — 2016. — Евразийский банк развития. — 26 октября 2016 года // http://www.eabr.org/t/research/centre/projectsСП/projects_cii/index.php?id_4=49596&linked_block_id=0.
- 13 Интеграционный барометр ЕАБР — 2016. — Евразийский банк развития. — 26 октября 2016 года // http://www.eabr.org/t/research/centre/projectsСП/projects_cii/index.php?id_4=49596&linked_block_id=0.
- 14 Март-2016: Беларусь — ЕС: оттепель — не лето. — НИСЭПИ. — 4 апреля 2016 года // <http://www.iiseps.org/?p=4268>.
- 15 РЕФОРУМ: Население Беларуси: хотят реформ, но не готовы к их последствиям. — Белорусский институт стратегических исследований. — 16 мая 2015 года // http://belinstitute.eu/ru/node/2513#_ftn1; Данные национального опроса НИСЭПИ 2–12 июня 2016 года. — НИСЭПИ. — 29 июня 2016 года // <http://www.iiseps.org/?p=4733>.
- 16 Чей Крым? Как госструктуры Беларуси решают этот деликатный вопрос. — Белорусский портал Tut.by. — 18 апреля 2016 года // <https://news.tut.by/politics/492219.html>.
- 17 Ответ пресс-секретаря МИД Беларуси Дмитрия Мирончика на вопрос агентства «БелТА». — Министерство иностранных дел Беларуси. — 25 ноября 2015 года // http://mfa.gov.by/press/news_mfa/caaf182c8b63ddc7.html.
- 18 Комментарий пресс-службы МИД Республики Беларусь. — Министерство иностранных дел Беларуси. — 7 апреля 2017 года // http://mfa.gov.by/press/news_mfa/c01d55c16c97daa6.html.
- 19 Рудый: Экономисты нужны. Но не молчащие от лояльности, а предупреждающие — от патриотизма. — Белорусский портал Tut.by. — 3 ноября 2016 года // <https://news.tut.by/economics/518684.html>.
- 20 Доклад Президента Беларуси на пятом Всебелорусском народном собрании. — Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 22 июня 2016 года // http://president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-pjatom-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-13867/.
- 21 Лидия Ермошина — о выборах по-новому, референдуме, смертной казни и мужчинах-белорусах. — Белорусский портал Tut.by. — 10 февраля 2017 года // <https://news.tut.by/economics/530981.html>.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ

ФЕНОМЕН БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
Что ждет систему Лукашенко

Артем Шрайбман

Редактура и корректура *бюро ТХТ (www.txtburo.com)*

Дизайнер русскоязычной версии *Я. Красновский*

Компьютерная верстка *Ю. Мосягин*

Фото на обложку: *Президент Белоруссии Александр Лукашенко (на первом плане) в резиденции «Дрозды» (ТАСС/ БелТА)*

Подписано в печать 27.06.2017

Формат 60x90 1/8. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Усл. печ. л. 4,5

Тираж 200 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16 стр. 1

Тел.: + 7 (495) 935-89-04

Факс: + 7 (495) 935-89-06

Email: info@carnegie.ru

www.carnegie.ru

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru